

ГОСТЬ НОМЕРА

Научная статья
УДК 331.5.024.5

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-11>

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ: ВЛИЯЕТ ЛИ НАЛОГОВЫЙ РЕЖИМ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД?

С. В. Дорошенко

Институт экономики, Уральское отделение Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
e-mail: doroshenkos@mail.ru

Аннотация. Занятость в неформальном секторе является одной из востребованных экономических проблем как в развитых, так и в развивающихся странах. Стартовавший в России в 2019 году эксперимент по введению налога на профессиональный доход оказал определенное положительное воздействие на финансово-экономические показатели, включая налоговые отчисления. Однако вопрос о действительном влиянии налогового режима на численность занятых в неформальном секторе пока открыт. Обычные сопоставления данных статистики не позволяют однозначно высказаться о влиянии введения нового налогового режима на занятость в неформальном секторе в России. Цель исследования – оценка влияния введения налога на профессиональный доход на занятость в неформальном секторе с помощью эконометрических методов. Основным методом исследования выбран один из количественных методов оценки поли-

тики – метод «*difference-in-differences*». Введение режима в российских регионах в разное время позволяет применить этот метод. Оценки такого рода пока отсутствуют в отечественных работах. Информационной базой расчетов послужили данные Росстата о занятости в неформальном секторе в разрезе 82 регионов за 2019–2020 годы, а именно показатель удельного веса занятых в неформальном секторе в общей численности занятого населения, который выступил зависимой переменной модели. Оценивалась регрессионная модель с фиксированными эффектами с учетом эффектов времени. Результаты оценки показали обратную зависимость и статистическую значимость переменной временных эффектов, что характеризует среднее уменьшение доли занятых в неформальном секторе во втором временном периоде в сравнении с первым. Но интересующая нас переменная введения налога оказалась статистически незначимой. Таким образом, мы не можем утверждать, что именно налог на профессиональный доход оказал понижающее или повышающее влияние на долю занятых в неформальном секторе в 19 регионах, где он был введен с января 2020 года, по крайней мере, в год непосредственного установления режима. Данные о численности занятых в неформальном секторе в последующие годы носят разнонаправленный характер, что косвенно также подтверждает сложность однозначного ответа на вопрос о влиянии налогового режима на занятость в неформальном секторе, к которому относятся и самозанятые.

Ключевые слова: занятость в неформальном секторе, самозанятость, оценка политики, налоговый эксперимент, метод «*difference-in-differences*», регионы России.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках госзадания Института экономики УрО РАН на 2024–2026 гг. № 124021500019-9 «Механизмы регулирования экономического поведения населения в условиях структурных изменений».

Для цитирования: Дорошенко С. В. Неформальная занятость: влияет ли налоговый режим на профессиональный доход? // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 3. – С. 11–22. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-11>.

Original article

INFORMAL EMPLOYMENT: DOES THE TAX REGIME AFFECT PROFESSIONAL INCOME?

S. V. Doroshenko

Institute of Economics, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
e-mail: doroshenkos@mail.ru

Abstract. *Informal employment is one of the most demanded economic issues in both developed and developing countries. The experiment on the introduction of a professional income tax, which started in Russia in 2019, had a certain positive impact on financial and economic indicators, including tax deductions. However, the question of the actual impact of the tax regime on the number of people employed in the informal sector is still open. The usual comparisons of statistical data do not allow us to speak unequivocally about the impact of a new tax regime on informal employment in Russia. The study purpose is to assess the impact of the professional income tax on the informal employment using econometric methods. One of the quantitative methods of policy assessment, the “difference-in-differences” method, was chosen as the main research method. The introduction of the regime in Russian regions at different times allows us to apply this method. Such estimates are not yet available in domestic works. The information base was Rosstat data on employment in the informal sector in the context of 82 regions for 2019–2020. A regression model with fixed effects was evaluated, taking into account the effects of time. The evaluation results showed that the tax introduction variable turned out to be statistically insignificant. Thus, we cannot say that it was the professional income tax that had a decreasing or increasing effect on the share of people employed in the informal sector. Data on the number of people employed in the informal sector in subsequent years are multidirectional, which indirectly also confirms the difficulty of an unambiguous answer to the question of the impact of the tax regime on employment in the informal sector, which includes the self-employed.*

Key words: *uninformal sector employment, self-employment, policy assessment, tax experiment, «difference-in-differences» method, Russian regions.*

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the state task of the Institute of Economics, the Ural Branch of the RAS for 2024-2026 No. 124021500019-9 «Mechanisms for regulating economic behavior of the population in conditions of structural changes».

Cite as: Doroshenko, S. V. (2024) [Informal employment: does the tax regime affect professional income?]. *Интеллект. Инновации. Инвестиции* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 11–22. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-3-11>.

Введение

Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27.11.2018 N 422-ФЗ закрепил право его применения физическим лицам и индивидуальным предпринимателям в случае получения доходов от деятельности, при которой они не являются работодателями и, соответственно, не привлекают наемных работников. Одной из важнейших причин эксперимента, рассчитанного на 10 лет и стартовавшего в российских регионах с 1 января 2019 года, было «осветление» доходов населения. По этому поводу Г. Ф. Ручкина подчеркивала, что действенным механизмом может оказаться «легализация самозанятых граждан посредством добровольного волеизъявления в сочетании с налоговым контролем, направленным на выявление таких лиц с целью постановки на учет» [12, с. 97].

Регионы вступили в эксперимент в разное время. Первоначально он начался в 4 субъектах: г. Москва,

Республике Татарстан, Московской и Калужской областях. С 1 января 2020 года к эксперименту подключились еще 19 регионов: г. Санкт-Петербург, Республика Башкортостан, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа, Красноярский и Пермский края, а также Волгоградская, Воронежская, Ленинградская, Нижегородская, Новосибирская, Омская, Ростовская, Самарская, Сахалинская, Свердловская, Тюменская, Челябинская области. С 1 июля 2020 года присоединились все оставшиеся российские регионы. Позднее, с 1 января 2023 года, этот налоговый режим распространился на Луганскую и Донецкую народные республики, а также Херсонскую и Запорожскую области. С 1 января 2022 года Федеральная налоговая служба Российской Федерации также ведет ежемесячный учет численности самозанятых на территории федерального значения «Сириус», а с 1 января 2023 года – города и космодрома Байконур.

Эксперимент признан успешным: численность

самозанятых граждан ежемесячно растет, налоговая база расширяется, поступления в бюджет идут. Считается также, что режим оказывает положительное влияние и на долю неформальной занятости, увеличивая ее, как например, в третьем квартале 2023 года до 19,1% против 19% третьего квартала 2022 года¹. Однако годом ранее, во втором квартале 2022 года, было отмечено снижение доли занятых до 18,7% по сравнению с аналогичным периодом 2021 года². В рамках данного исследования с помощью одного из количественных методов оценки политики «difference-in-differences» мы планируем оценить влияние введения налога на профессиональный доход на долю занятых в неформальном секторе. Введение режима в регионах в разное время позволяет нам применить этот метод. Оценки такого рода пока отсутствуют в отечественных работах.

Теоретические аспекты исследования

Неформальная занятость в качестве предмета научных исследований проявилась более полувека назад, что было связано с интересом к развитию постколониальных экономик, в которых этот вид экономической активности обеспечивал определенный доход значительной части населения. Считается, что сам термин «неформальная занятость» был введен К. Хартом в результате проведенных им исследований жизни сельских иммигрантов в столице Ганы [18]. Но последующую популярность термин приобрел благодаря широкому его использованию в исследованиях МОТ и Всемирного банка.

Интерес российских исследователей, прежде всего экономистов и социологов, к неформальной занятости возник в 1990-е годы. В этот же период актуализировался интерес и за рубежом [19], что в том числе связано с переходом стран социалистического лагеря на капиталистическую идеологию хозяйствования. Поэтому сегодня достаточно много исследований в этой области проводится на примере государств постсоветского пространства [2; 14; 15].

Более того, первоначально неформальный сектор и неформальная экономика были предметом исследований исключительно в области экономики труда. Однако в конце 1980-х годов неформальная экономика заняла центральное место в дискуссии вокруг выработки политики, направленной, прежде всего, на борьбу с двумя ее основными компонентами, а именно, неформальной занятостью и неформальными фир-

мами. На сегодня существует большое разнообразие политик и мер, но наиболее распространенным подходом является формализация [17].

Несмотря на политические меры, этот сектор сохраняет устойчивые позиции не только в развивающихся странах, но в экономиках развитых стран [20], хотя и с существенной разницей в значениях удельного веса.

Одновременно дискуссии по поводу того, что же такое «неформальная занятость», как ее измерять и учитывать, не стихают и сегодня. Мы не будем подробно на этом останавливаться, поскольку в многих отечественных и зарубежных работах достаточно подробно изложена эволюция представлений о неформальной занятости в рамках существующих научных подходов, в том числе производственного, легалистского и других [10]. Мы отметим лишь два значимых для нашего исследования момента.

Во-первых, в отличие от методологии МОТ, основанной на легалистском подходе, в рамках которого к неформально занятым отнесены работники, не защищенные национальным трудовым законодательством, в России учет неформальности базируется на производственном подходе (или, как отмечается у ряда исследователей, расширенном производственном подходе [3; 11]), поэтому рассчитывается именно занятость в неформальном секторе экономики. И критерием здесь выступает, прежде всего, отсутствие регистрации в качестве юридического лица. Согласно методологии Росстата к этой группе относится занятое по месту основной работы население в возрасте 15 лет и старше: в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица; по найму у физических лиц, индивидуальных предпринимателей и в фермерских хозяйствах; в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского и лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена. В целом, к занятым в неформальном секторе в России относят наемных работников на предприятиях неформального сектора; занятых в собственном домашнем хозяйстве для производства товаров для продажи и помогающих им семейных и наемных работников; помогающих наемных работников и членов семей на семейном предприятии и при ведении домашнего хозяйства, индивидуальных предпринимателей и самозанятых, а также неформальных наемных работников предприятий формального сектора. Из перечисленных групп, по расчетам

¹ Мингазов С. Число неформально занятых россиян выросло до 14,2 млн человек / Forbes.ru - URL: <https://www.forbes.ru/biznes/504244-cislo-neformal-no-zanatyh-rossian-vyroslo-do-14-2-mln-celovek> (дата обращения: 15.01.2024).

² Виноградова Е. В России резко сократилась занятость в неформальном секторе / РБК – URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/09/2022/632989989a79471c92e0fd96> (дата обращения: 15.01.2024).

А. Л. Сафонова и Д. В. Некипеловой [13], в России на долю наемных работников неформального сектора приходится 57%, занятых в домашних хозяйствах и их наемных работников – около 25%, самозанятых – около 11%, а на самую скрытую группу – неформальных работников в формальном секторе – в среднем порядка 7%, однако значение может быть и выше с учетом неформальной дополнительной занятости работников формального сектора.

Второй момент. Несмотря на сохраняющуюся некоторую разность в определении неформальной занятости (к слову, во многих странах термин «неформальная занятость» официально не используется, а заменяется самозанятостью) [8], в подходах к ее учету (особенно на межстрановом уровне, что зачастую затрудняет сравнительные исследования [7]), экспертами признается, что этот вид трудовой активности зачастую является реакцией населения и работодателей на определенные события и явления. Во-первых, на негативные экономические процессы в обществе, обусловленные кризисными фазами развития, одним из результатов которых является безработица [1; 5]. В последние годы появились интересные исследования о взаимосвязи самозанятости, безработицы и предпринимательства. Так, на примере опроса жителей Германии получены результаты о так называемых «неденежных выгодах» предпринимательства [21]. В частности, было установлено, что предприниматели по необходимости (т. е. те, кто переходят от безработицы к самозанятости) испытывают улучшение своего психического, но не физического здоровья. Тогда как предпринимательство по возможности (т. е. переход от регулярной занятости к самозанятости) приводит к улучшению как физического, так и психического здоровья. При этом отмечается, что улучшение здоровья не может быть объяснено только изменениями в доходах или условиях труда и не обусловлено личностными качествами, предпочтениями риска или местными условиями безработицы. Таким образом, результаты подчеркивают именно неденежные выгоды предпринимательства.

Во-вторых, неформальная занятость – это ответ на не всегда благоприятный бизнес-климат. Это касается как бизнес-климата в целом в стране или регионе, включая излишнюю зарегулированность деятельности [4], так и специфического микроклимата внутри некоторых организаций и компаний, включая изменение ценностного формата. По поводу последнего стали появляться исследования, где затрагиваются причины перехода из корпоративной сферы в сферу самозанятости. Например, голландские исследователи на основании интервью с 18 независимыми консультантами, покинувшими элитные консалтинговые компании, обнаружили, что для этих людей нормативные

практики контроля, такие как возможности обучения и социальные мероприятия, со временем теряют привлекательность. Хотя в целом методы нормативного контроля направлены на повышение мотивации сотрудников и их приверженности профессиональным стандартам в фирмах, оказывающих профессиональные услуги. Но одновременно ведется много споров о том, когда и для кого такие методы остаются мотивационными. Было установлено, что такие последствия, как отсутствие автономии, снижение уровня обучения и растущий конфликт между работой и личной жизнью, все больше подрывают мотивационное воздействие практик нормативного контроля во время карьеры консультанта. Самозанятость часто помогает консультантам избежать этих нежелательных последствий, поскольку независимость решает проблемы автономии и улучшает баланс между работой и личной жизнью. Картирование этого недостаточно изученного, но очень распространенного перехода от занятости к самозанятости в консалтинговой отрасли вводит концепцию профессиональной карьеры в дискуссию о безграничной карьере [16].

В-третьих, неформальная занятость является и ответом на налоговые реформы, и прежде всего, в сфере налогообложения труда [9]. В этом контексте неформальная занятость часто рассматривается в качестве варианта снижения налогового бремени, в том числе и как нелегальный институт. Безусловно, эту позицию можно было бы отнести и к неблагоприятному бизнес-климату. Но поскольку в работе сделан акцент именно на налоговый режим, то мы сочли допустимым выделить этот фактор отдельно.

Динамика самозанятости и неформальной занятости в России

Рассмотрим динамику изменений численности занятых в неформальном секторе в России. Для этого обратимся к результатам обследований, проводимых Росстатом с начала 2000-х годов в области рабочей силы и занятости. На рисунке 1 представлены данные за 2001–2021 годы, за исключением 2002–2003.

На основе данных графика рисунка 1, отражающих изменения численности занятых в неформальном секторе России почти за 20 лет, можно условно выделить три периода, первые два из которых во многом схожи. Первый – 2001–2010 годы, когда до 2008 года наблюдался рост численности, а затем заметное снижение, особенно в 2010 году. Очевидно, существенное влияние оказал мировой финансовый кризис 2008–2009 годов. Второй период – 2011–2017 годы, когда также шестилетний рост сменился заметным снижением. Причиной роста являются структурные изменения экономики, особенно после 2014 года. Причинами со-

крашения в 2017 году считаются и давление государства в виде принудительной легализации, и распространение электронных сервисов, и стабилизация зарплат.

Более того, в этот период, в отличие от первого, сократилось число занятых в неформальном секторе, для которых это была дополнительная работа, подработка.

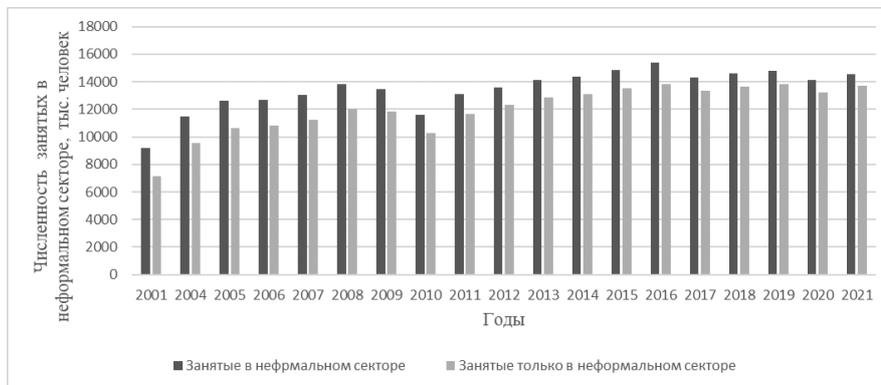

Рисунок 1. Динамика численности занятых в неформальном секторе в 2001–2021 годах в России, тыс. человек
 Источник: рассчитано и составлено автором на основе: Рабочая сила, занятость и безработица в России // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 09.02.2024)

Третий период, начавшийся в 2018 году, и, на наш взгляд, продолжающийся и сегодня, будет отличаться от двух предыдущих. Для него уже стало характерным быстрое изменение вектора. Так, уже в 2020 г. мы наблюдаем существенное снижение численности, причиной которого стала пандемия COVID-19, но в 2021 году снова показатель пошел вверх. Однако

в дальнейшем, судя по данным, приведенным нами во введении, показатель численности будет, скорее, колебаться из года в год, прежде чем мы заметим ощутимую тенденцию роста или снижения.

Произошли и изменения в структуре занятых по видам экономической деятельности. На рисунке 2 сопоставлена структура 2009 и 2021 года.

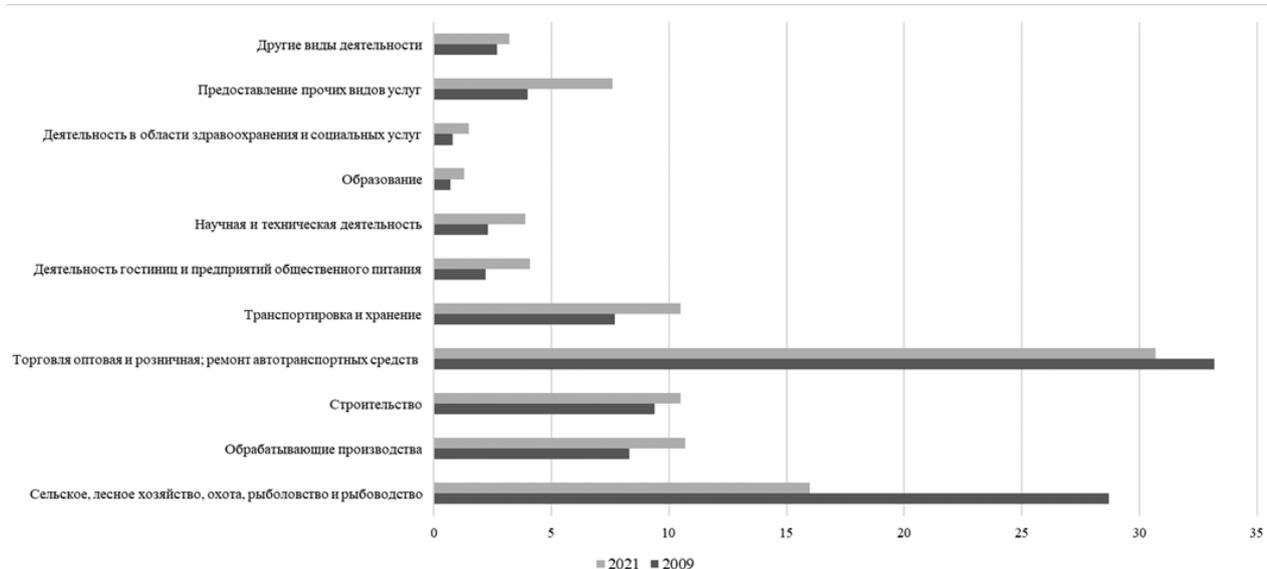

Рисунок 2. Структура занятых в неформальном секторе по видам экономической деятельности в 2009 и 2021 годах, %

Источник: рассчитано и составлено автором на основе: Рабочая сила, занятость и безработица в России // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 09.02.2024)

Из графиков рисунка 2 видно, что по-прежнему сохраняется самый высокий удельный вес оптовой и розничной торговли, хотя и несколько сократившийся за счет роста показателей других видов деятельности. Второе место в общей структуре сохранилось за сельским хозяйством. Однако его удельный вес сократился почти на 85%. Одновременно заметно увеличилась доля транспортировки и хранения, обрабатывающих производств, предоставления прочих видов услуг, а также гостиничного бизнеса, научной деятельности, услуг в области здравоохранения и образования. Последние в 2009 году имели долю менее

1%, и увеличили ее в 2021 году вдвое.

Проанализируем статистику по самозанятости, которую системно в нашей стране начали вести только с 2020 года (рисунок 3). Мы опираемся на годовые и полугодовые данные о численности самозанятых в России, представленные Федеральной налоговой службой в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства и используемые в том числе в качестве статистики для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»³.

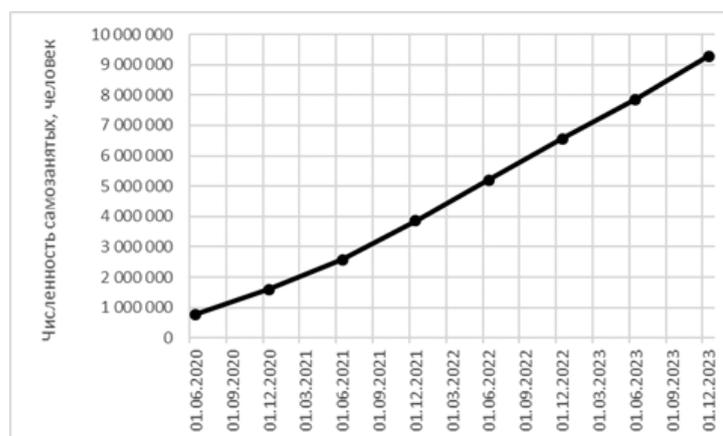

Рисунок 3. Динамика численности самозанятых в России в 2020–2023 годах, человек

Источник: рассчитано и составлено автором на основе источника «Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус, с учетом введения налогового режима для самозанятых»³

График на рисунке 3 демонстрирует кратное от периода к периоду увеличение самозанятых, численность которых к концу 2023 года достигла почти 9,3 млн человек. Наиболее ощутимый рост начался со второго полугодия 2021 года, что, вероятнее всего, связано с началом распространения на самозанятых «предпринимательских» льгот и поддержки.

Регионы, как мы уже отмечали выше, в разное время вступили в налоговый эксперимент, поэтому за четыре года произошли заметные изменения в численности самозанятых в разрезе как субъектов РФ, так и в целом федеральных округов. На рисунке 4 отражен удельный вес федеральных округов на конец 2020 года – периода, когда эксперимент в 4 субъектах продолжался второй год, еще в 19 – один год, и в 62 регионах – полгода. После названия федерального округа в квадратах отражено значение его удельного веса.

Из диаграммы рисунка 4 видно, что Центральный федеральный округ имел удельный вес более 46%, а наименьшая доля приходилась на Северо-Кавказский федеральный округ, все субъекты которого подключились к режиму только с 1 июля 2020 года.

Анализируемый в рамках статистики самозанятости период времени отмечен заметными изменениями как на карте нашей страны, так и в системе учета самозанятых граждан со стороны налоговых органов. Это внесло свой вклад и в распределение численности самозанятых по округам (рисунок 5).

На диаграмме рисунка 5 выделен «цифровой» блок, в котором 50 – это город и космодром Байконур, 90 – Запорожская область, 93 и 94 – Донецкая и Луганская народные республики, 95 – Херсонская область. На долю этих новых субъектов приходится пока порядка 0,2%, но и налоговый режим у них действует всего лишь с 1 января 2023 года. За период

³ Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус, с учетом введения налогового режима для самозанятых // Официальный сайт Федеральной налоговой службы. – URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 09.02.2024).

31.01.2023–31.12.2023 года численность самозанятых в этих пяти субъектах увеличилась почти в 25 раз. Наибольший рост наблюдался в Запорожской и Хер-

сонской областях – в 37 и 35 раз соответственно, наименьший на Байконуре – в 8,3 раза.

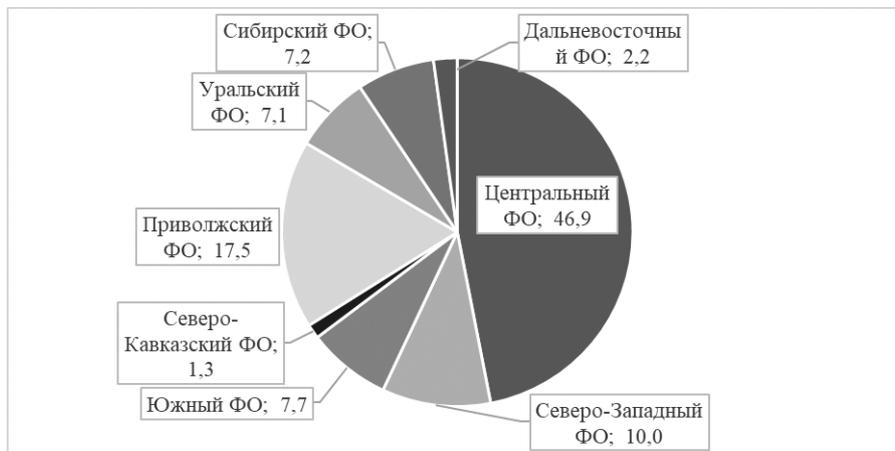

Рисунок 4. Удельный вес федеральных округов в численности самозанятых на 31.12.20 г, %
 Источник: рассчитано и составлено автором на основе источника «Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус, с учетом введения налогового режима для самозанятых»³

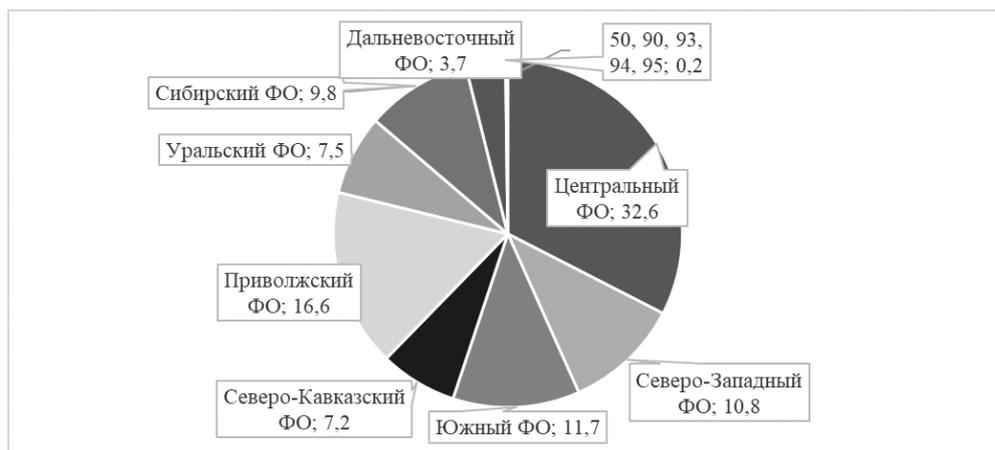

Рисунок 5. Удельный вес федеральных округов в численности самозанятых на 31.12.23 г, %
 Источник: рассчитано и составлено автором на основе источника «Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус, с учетом введения налогового режима для самозанятых»³

Данные рисунка 5 свидетельствуют о заметном сокращении доли Центрального федерального округа до 32,6% за счет роста остальных округов, а также появления новых субъектов. Снизилась также доля Приволжского федерального округа до 16,6%. Наиболее заметно вырос удельный вес Северо-Кавказского федерального округа – с 1,3% до 7,2%, Сибирского – с 7,2% до 9,8%, Дальневосточного – с 2,2% до 3,7%, а также Южного – с 7,7% до 11,7%. В составе последнего с января 2022 года учитывается также численность самозанятых на территории федераль-

ного значения «Сириус». Но там значения показателя не столь существенны – на 31.12.2023 всего 257 человек, хотя рост с 31.01.2022 составил более 85 раз. Уральский и Северо-Западный федеральные округа практически сохранили свои позиции на достигнутом ранее уровне.

Большую часть самозанятых составляют физические лица. Сегодня на их долю приходится более 95% в среднем по России, а в Северо-Кавказском округе и новых регионах почти 98%. Оставшиеся проценты – это индивидуальные предприниматели.

Ранее мы подчеркивали, что самозанятые относятся к занятым в неформальном секторе. И казалось бы, что рост численности самозанятых должен приводить к росту занятых в неформальном секторе. Но прямая зависимость возникла бы, если все вновь зарегистрированные самозанятые появлялись бы из до этого официально трудоустроенных наемных сотрудников. Но число самозанятых пополняется в основном за счет лиц, которые в массе и до этого не имели официальных трудовых отношений (репетиторы, переводчики, массажисты, различные консультанты, мастера по ремонту и т. д.). Одновременно статус самозанятого сегодня оформили многие сдающие в аренду свободное жилье, при этом они могут быть и официально где-то трудоустроенными или пенсионерами. В целом это может повлиять на занятость в неформальном секторе, как сферы дополнительной занятости. Такой вариант также отражается в нашей статистике.

Поэтому сопоставляя данные графиков на рисунках 1 и 3 достаточно сложно однозначно высказаться о влиянии введения нового налогового режима на занятость в неформальном секторе. Попробуем применить эконометрические методы.

Методология и результаты модели

Метод «difference in differences» основан на сравнении двух групп объектов в двух временных периодах, одна из которых подверглась воздействию во втором временном периоде, а другая нет. В первом периоде воздействие не оказывается ни на одну из групп.

Состав групп не меняется. То есть мы наблюдаем за одними и теми же объектами, к примеру, как в нашей работе, за регионами, в два периода времени.

Поскольку налоговый режим «Налог на профессиональный доход» вводился в российских регионах не одновременно во всех, а поэтапно, то мы можем использовать метод «difference in differences» для анализа его воздействия на некоторые показатели в регионах. Подробнее применение метода именно для случая указанного налогового режима нами обосновано в статье [6], в которой представлены результаты оценки влияния налогового режима на структуру доходов населения регионов, конкретнее – на долю доходов от предпринимательской деятельности.

Информационной базой исследования послужили данные Росстата о занятости в неформальном секторе в разрезе 85 регионов России за 2019–2020 годы, а именно удельный вес занятых в неформальном секторе в общей численности занятого населения⁴.

При расчете из выборки 85 субъектов были исключены четыре региона, где налог был введен ещё в 2019 году. Напомним, что 19 регионов ввели налог с 1 января 2020 года, оставшиеся – с 1 июля 2020 года. Поэтому при оценке использовались значения доли занятых в неформальном секторе за 1 полугодие 2020 года. Таким образом, при оценке эффекта воздействия в 2019–2020 годах 62 региона были включены в контрольную группу, а 19 регионов – в экспериментальную группу. Оценивалась регрессионная модель с фиксированными эффектами с учетом эффектов времени (таблица 1).

Таблица 1. Результаты оценки модели с фиксированными эффектами

	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	p-значение
const	24,1452***	0,185847	129,9	< 0,0001
D	0,778773	0,649766	1,199	0,2342
dt_2	-1,86807***	0,465284	-4,015	0,0001
N	162			
LSDV R ²	0,9769808			
Within R ²	0,212730			

Примечание: * – $p < 0.1$, ** – $p < 0.05$, *** – $p < 0.01$.

Источник: рассчитано и составлено автором в пакете Stata

Зависимой переменной является доля занятых в неформальном секторе. Независимой переменной выступает дамми-переменная D, равная 1 в случае

региона из экспериментальной группы (налог введен с 1 января 2020 года), и равная 0 в случае региона контрольной группы. Переменная dt_2 отража-

⁴ Рабочая сила, занятость и безработица в России // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211> (дата обращения: 09.02.2024).

ет учет временных эффектов. Число наблюдений N в модели равно 162. Скорректированный коэффициент детерминации равен 0,21.

В итоге, переменная временных эффектов dt_2 значима на 1%-ом уровне и показывает, что доля занятых в неформальном секторе во втором периоде в среднем уменьшается в сравнении с первым периодом. Но интересующая нас переменная D оказалась статистически незначимой. Таким образом, мы не можем утверждать, что именно налог на профессиональный доход оказал понижающее или повышающее влияние на долю занятых в неформальном секторе, по крайней мере, в период непосредственного введения режима в регионе.

Заключение

Согласно принятой методологии самозанятые учитываются в составе неформальной занятости.

И само по себе внедрение налога на профессиональный доход затруднительно однозначно назвать фактором роста или снижения удельного веса численности занятых в неформальном секторе российской экономики. Здесь, вероятнее, сильнее работают другие факторы. Это требует проведения дополнительных исследований с использованием других методов. Безусловно, этот режим оказывает влияние на выход из тени неформально занятых, особенно после распространения на самозанятых граждан мер поддержки малого бизнеса, поскольку по ряду причин становится выгоднее быть официально зарегистрированным, особенно в молодом и среднем возрасте. При этом старшее поколение, возможно, предпочтет сохранить «более скрытый» статус своей занятости для получения большего размера пенсии.

Литература

1. Абрамова Е. А. Самозанятость как инструмент сокращения безработицы в период кризиса // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 11–1 (69). – С. 9–12. – <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10853>. – EDN: ASFDTA.
2. Боранбаева А. Е. Самозанятые в Республике Казахстан как экономическая основа гражданского общества // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2016. – Т. 16. – № 3. – С. 6–11. – <https://doi.org/10.14529/law16030>. – EDN: WMULRR.
3. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда: монография / Н. Т. Вишневская [и др.]; Под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшников. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2014. – 535 с. – EDN: VXAROV.
4. Воскобойников И. Б., Гимпельсон В. Е. Рост производительности труда, структурные сдвиги и неформальная занятость в российской экономике // Вопросы экономики. – 2015. – № 11. – С. 30–61. – <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-11-30-61>. – EDN: UXMDAL.
5. Гимпельсон В., Зудина А. «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? // Вопросы экономики. – 2011. – № 10. – С. 53–76. – <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2011-10-53-76>. – EDN: OFPVIV.
6. Дорошенко С. В. Государственная политика и структура доходов населения: эксперимент с самозанятостью // *Ars Administrandi* (Искусство управления). – 2023. – Т. 15, № 2. – С. 338–352. – <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-338-352>. – EDN: NKGWU.
7. Дорошенко С. В. Самозанятость как форма экономической адаптации населения регионов России и Казахстана // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 6. – С. 10–23. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2021-6-10>. – EDN: CBBVJS.
8. Капелюшников Р. И. Неформальная занятость в России: Что говорят альтернативные определения? // Журнал Новой Экономической Ассоциации. – 2013. – № 4 (20). – С. 52–83. – EDN: RRVLAN.
9. Некипелова Д. В. Влияние реформ в сфере налогообложения труда на динамику неформальной занятости в России // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2020 – Т. 17, № 2 (110). – С. 103–114. – <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2020-2-103-114>. – EDN: MFRAHN.
10. Некипелова Д. В. Теоретико-методологические аспекты учета неформальной занятости. Часть 1. Теоретические основы определения неформальной занятости (основные научные подходы) // Труд и социальные отношения. – 2020. – Том 31, № 1. – С. 43–55. – <https://doi.org/10.20410/2073-7815-2020-31-1-43-55>. – EDN: TPZCJQ.
11. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / В. Е. Гимпельсон [и др.]; Под общей редакцией Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Роцин С. Ю. – М.: Центр стратегических разработок, 2017. – 145 с.
12. Ручкина Г. Ф. К вопросу о легализации самозанятых в Российской Федерации // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2020. – № 3 (222). – С. 97–106. – <https://doi.org/10.24411/2072-4098-2020-10304>. – EDN: MQDEKV.
13. Сафонов А. Л., Некипелова Д. В. Оценка влияния налогового маневра на сокращение количества за-

нятых в неформальном секторе экономики России // Социально-трудовые исследования. – 2018. – № 4 (33). – С. 28–41. – EDN: VSTZZQ.

14. Тагаев Б. Э. Регулирование неформальной занятости в Узбекистане в условиях модернизации экономики // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2020. – Т. 17, № 2 (110). – С. 74–84. – <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2020-2-74-84>. – EDN: JUXKDC.

15. Царцидзе М., Лацабидзе Н. Структурные и отраслевые особенности рынка труда и занятости населения в Грузии // Социально-трудовые исследования. – 2020. – № 1(38). – С. 153–163. – <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-38-1-153-163>. – EDN: VHYHYT.

16. Bouwmeester O., Slaats M. (2024). First up then out: Self-employment as a response to normative control practices in elite consultancies. *Scandinavian Journal of Management*. Vol. 40, No. 1. – Pp. 1–13. – <https://doi.org/10.1016/j.scaman.2023.101313> (In Eng.).

17. Floridi A., Demena B. A., Wagner N. (2020) Shedding light on the shadows of informality: A meta-analysis of formalization interventions targeted at informal firms. *Labour Economics*. 67, 101925. – <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2020.101925> (In Eng.).

18. Hart K. (1973). Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana. *The Journal of Modern African Studies*. Vol. 11, No. 1. – pp. 61–89. (In Eng.).

19. Hart K. (1992). Market and State after the Cold War. *The Informal economy reconsidered. Contesting Markets. Analyses of Ideology, Discourse and Practice*. – Edinburgh University Press, pp. 217–219. (In Eng.).

20. Maiti D., Bhattacharyya C. (2020). Informality, enforcement and growth. *Economic Modelling*. Vol. 84(C), pp. 259–274. – <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2019.04.015> (In Eng.).

21. Nikolova M. (2019). Switching to self-employment can be good for your health. *Journal of Business Venturing*. Vol. 34, No. 4, pp. 664–691. – <https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2018.09.001> (In Eng.).

References

1. Abramova, E. A. (2020) [Self-employment as a tool to reduce unemployment during the crisis]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. [Economics and Business: theory and practice]. Vol. 11–1(69), pp. 9–12. – <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10853>. (In Russ.).

2. Boranbayeva, A. E. (2016) [Self-employed in the Republic of Kazakhstan as the economic basis of civil society]. *Vestnik YUUrGU. Seriya «Pravo»*. [Bulletin of SUSU. The series «Law»]. Vol. 16 (3), pp. 6–11. – <https://doi.org/10.14529/law16030>. (In Russ.).

3. Vishnevskaya, N. T., et al. (2014) *V teni regulirovaniya: neformal'nost' na rossiyskom rynke truda* [In the shadow of regulation: informality in the Russian labor market]. Edited by V. E. Gimpelson, R. I. Kapelyushnikov. M.: Ed. HSE House, 535 p.

4. Voskoboinikov, I., Gimpelson, V. (2015) [Labor productivity growth, structural shifts and informal employment in the Russian economy]. *Voprosy ekonomiki*. [Economic issues]. Vol. 11, pp. 30–61. – <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-11-30-61>. (In Russ.).

5. Gimpelson, V. E., Zudina, A. A. (2011) [Informals in the Russian economy: how many of them and who are they?]. *Voprosy ekonomiki*. [Economic issues]. Vol. 10, pp. 53–76. – <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2011-10-53-76>. (In Russ.).

6. Doroshenko, S. V. (2023) [State policy and the structure of income of the population: an experiment with self-employment]. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*. [Ars Administrandi (Art of management)]. Vol. 15. No. 2, pp. 338–352. – <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-338-352>. (In Russ.).

7. Doroshenko, S. V. (2021) [Self-employment as a form of economic adaptation of the population of the regions of Russia and Kazakhstan]. *Intellekt. Innovacii. Investicii*. [Intelligence. Innovation. Investment]. Vol. 6, pp. 10–23. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2021-6-10>. (In Russ.).

8. Kapelyushnikov, R. I. (2013) [Informal employment in Russia. What do the alternative definitions say?]. *Zhurnal Novoj Ekonomicheskoy Assotsiacii*. [Journal of the New Economic Association]. Vol. 4 (20), pp. 52–83. (In Russ.).

9. Nekipelova, D. V. (2020) [The impact of labor taxation reforms on the dynamics of informal employment in Russia]. *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova*. [Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics]. Vol. 2, pp. 103–114. – <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2020-2-103-114>. (In Russ.).

10. Nekipelova, D. V. (2020) [Theoretical and methodological aspects of accounting for informal employment. Part 1. Theoretical foundations of the definition of informal employment (basic scientific approaches)]. *Trudisocial'nye otno sheniya*.

[Labor and social relations]. Vol. 31. No. 1, pp. 43–55. – <https://doi.org/10.20410/2073378155202003111143355>. (In Russ.).

11. Gimpelson, V. E., et al. (2017) *Gosudarstvennaya politika i struktura dokhodov naseleniya: eksperiment s samozanyatost'yu* [The Russian labor market: trends, institutions, structural changes]. Edited by Gimpelson V. E., Kapelyushnikov R. I., Roshchin S. Y. M.: *Center for Strategic Research*, 145 p.

12. Ruchkina, G. F. (2020) [On the issue of legalization of the self-employed in the Russian Federation]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii*. [Property relations in the Russian Federation]. Vol. 3 (222), pp. 97–106. – <https://doi.org/10.24411/2072-4098-2020-10304>. (In Russ.).

13. Safonov, A. L., Nekipelova, D. V. (2018) [Assessment of the impact of the tax maneuver on reducing the number of people employed in the informal sector of the Russian economy]. *Trud i social'nye otnosheniya*. [Socio-labor research]. Vol. 4, pp. 28–41. (In Russ.).

14. Tagaev, B. E. (2020) [Regulation of informal employment in Uzbekistan in the context of economic modernization]. *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova*. [Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics]. Vol. 2, pp. 74–84. – <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2020-2-74-84>. (In Russ.).

15. Tsartsidze, M., Latsabidze, N. (2020) [Structural and sectoral features of the labor market and employment of the population in Georgia]. *Trud i social'nye otnosheniya*. [Socio-labor research]. Vol. 38(1), pp. 153–163. – <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-38-1-153-163>. (In Russ.).

16. Bouwmeester, O., Slaats, M. (2024) First up then out: Self-employment as a response to normative control practices in elite consultancies. *Scandinavian Journal of Management*. Vol. 40, No. 1, 101313. – <https://doi.org/10.1016/j.scaman.2023.101313>. (In Eng.).

17. Floridi, A., Demena, B. A., Wagner, N. (2020) Shedding light on the shadows of informality: A meta-analysis of formalization interventions targeted at informal firms. *Labour Economics*. 67, 101925. – <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2020.101925>. (In Eng.).

18. Hart, K. (1973) Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana. *The Journal of Modern African Studies*. Vol. 11, No. 1, pp. 61–89. (In Eng.).

19. Hart, K. (1992) Market and State after the Cold War. The Informal economy reconsidered. *Contesting Markets. Analyses of Ideology, Discourse and Practice*. *Edinburgh University Press*, pp. 217–219. (In Eng.).

20. Maiti, D., Bhattacharyya, C. (2020) Informality, enforcement and growth. *Economic Modelling*. Vol. 84, pp. 259–274. – <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2019.04.015>. (In Eng.).

21. Nikolova, M. (2019) Switching to self-employment can be good for your health. *Journal of Business Venturing*. Vol. 34, pp. 664–691. – <https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2018.09.001>. (In Eng.).

Информация об авторе:

Светлана Викторовна Дорошенко, доктор экономических наук, доцент, заведующий сектором исследований адаптации региональных систем, Институт экономики, Уральское отделение Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0002-8282-6062, **Research Profile ID:** L-6719-2017, **Scopus Author ID:** 56470612600

e-mail: doroshenkos@mail.ru

Дорошенко Светлана Викторовна более 25 лет занимается научно-образовательной деятельностью в Институте экономики Уральского отделения РАН. Основными направлениями исследований являются региональные социально-экономические системы, социальная и экономическая адаптация населения, оценка влияния государственной политики.

Светлана Викторовна является автором более 270 научных работ, в том числе индексируемых в международных базах Scopus, Web of Science и RSCI.

Дорошенко С. В. – эксперт Российской академии наук, и Российского научного фонда.

Светлана Викторовна является членом Экспертного совета по экономике и управлению регионами, отраслями и межотраслевыми комплексами ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Она активно участвует в образовательной деятельности и подготовке кадров высшей квалификации. Дорошенко С. В. является заместителем председателя диссертационного совета при Институте экономики Уральского отделения РАН, членом диссертационных советов при Владивостокском государственном университете и Уральском федеральном университете.

Светлана Викторовна – лауреат конкурса «Лучший экономист РАН».

Достижения Дорошенко С. В. в области науки и высшего образования отмечены Почетными грамотами Российской академии наук, Министерства промышленности и науки Свердловской области, благодарностью Общественной Палаты Российской Федерации и др. Светлана Викторовна – член Общественного совета при ГУ МВД РФ по Свердловской области.

Статья поступила в редакцию: 28.03.2024; принята в печать: 23.05.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Svetlana Victorovna Doroshenko, Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Regional Systems Adaptation Research Sector, Institute of Economics, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-8282-6062, **Research Profile ID** L-6719-2017, **Scopus Author ID** 56470612600

e-mail: doroshenkos@mail.ru

Doroshenko Svetlana Viktorovna has been engaged in scientific and educational activities at the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for more than 25 years. The main areas of research are regional socio-economic systems, social and economic adaptation of the population, assessing the impact of government policy.

Svetlana Viktorovna is the author of more than 270 scientific papers, including those indexed in the international databases Scopus, Web of Science, and RSCI.

Doroshenko S. V. is an expert of the Russian Academy of Sciences, as well as the Russian Science Foundation.

Svetlana Viktorovna is a member of the Expert Council on Economics and Management of Regions, Industries and Intersectoral Complexes of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Svetlana Viktorovna actively participates in educational activities and training of highly qualified personnel. Svetlana Viktorovna is deputy chairman of the dissertation council at the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, a member of the dissertation council at Vladivostok State University, as well as the Ural Federal University.

Svetlana Viktorovna is a laureate of the «Best Economist of the Russian Academy of Sciences» competition.

S. V. Doroshenko's achievements in the field of science and higher education are marked with Certificates of Honor from the Russian Academy of Sciences, the Ministry of Industry and Science of the Sverdlovsk Region, gratitude from the Public Chamber of the Russian Federation, etc. Svetlana Viktorovna Doroshenko is a member of the Public Council at the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Sverdlovsk Region.

The paper was submitted: 28.03.2024.

Accepted for publication: 23.05.2024.

The author has read and approved the final manuscript.